

БОРИС ГРОМОВ
РЯДОВЫЕ
АПОКАЛИПСИСА

Роман

Москва, 2013
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Г87

Художник
С. А. Григорьев

Громов Б.
Г87 Рядовые апокалипсиса: Фантастический роман. — М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 345 с.: ил. —
(Эпоха мертвых. Мир Андрея Круза).

ISBN 978-5-9922-1388-1

Когда привычный нам всем мир внезапно сойдет с ума; когда реальностью обернутся самые жуткие и кровавые фантазии создателей фильмов ужасов; когда рухнут не готовые и не способные противостоять совершенно невозможной с точки зрения любого здравомыслящего человека угрозе государства; когда мертвые вдруг встанут, чтобы кормиться от живых, — у большинства тех, кто смог выжить, сразу появится много новых дел: раздобыть оружие и подходящий транспорт, запастись продуктами, найти убежище... Но есть и другие. Они отлично подготовлены. Их базы — изначально маленькие крепости. В их распоряжении есть и оружие, и даже бронетехника. А еще они давали присягу. Так что же они будут делать в новом, жестоком и кровавом мире?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1388-1

© Борис Громов, 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

*г. Пересвет, база подмосковного ОМОНа,
20 марта, вторник, день*

— Красный!¹ — ору я во всю глотку и падаю на одно колено, сокращая тем самым возможную площадь поражения своего брэнного тельца. Глядеть продолжаю вперед, на заваленный обломками кирпича и всяким мелким хламом коридор с отстающей от стен бежевой краской, лоскутами штукатурки, свисающими с потолка, и темными дверными проемами без дверей. Из некоторых, оставшихся у меня за спиной, торчат выдвигающиеся щиты с простреленными мишенями. Ствол автомата не опускаю, не далее как пару минут назад сам это молодняку объяснял: куда глаза — туда и ствол, и сектор обстрела из внимания не выпускать ни на миг!левой рукой на ощупь выхватываю из «разгрузки» новый магазин. Подбивом² выщелкиваю старый, и он с пластиковым дребезгом падает мне под ноги. Вставляю новый и снова во всю глотку: «Зеленый!» Встаю с колена. Ставлю автомат на предохранитель. Подбираю лежащий на грязном бетонном полу магазин. В воздухе висит запах сгоревшего пороха. Зеленые гильзы в серой цементной пыли и грязи выглядят инородными яркими пятнами. Разворачиваюсь лицом к замершей в конце коридора короткой шеренге из шести новичков. Чистенькие и не обмятые еще «горки»³, ярко-черные бронежилеты и

¹ «Красный», «зеленый» — в спецподразделениях этими голосовыми командами обозначают неготовность или готовность к бою.

² Подбив — способ замены магазина в автомате, при котором старый магазин как бы выбивают новым, ударяя им по защелке магазина и самому старому магазину. Способ удобен быстротой, но при нем выбитый магазин падает на землю.

³ «Горка» — полевое обмундирование спецподразделений из грубого брезента, с дополнительными тканевыми накладками на локтях и коленях для прочности.

оливковые, без единой царапины шлемы с забралами, одинаковые «казенные» разгрузочные жилеты, довольно бестолковые, надо сказать, с неудобным расположением карманов. На мне, правда, сейчас такой же — дешевенький «Тарзан», но у меня есть и другой — куда лучше и намного дороже. Правда, я его ношу только на Кавказе; здесь, в Подмоскowie, и «Тарзана» хватит за глаза. Ничего, к следующей командировке закажем парням другие, вроде натовских, модульные¹. А пока, на «тактике» побегать, и эти подойдут.

Есть все же и в командировках на Кавказ свои положительные стороны! Тренируемся-то мы постоянно, каждую смену, если не на выезде. Но нормальные, серьезные занятия у нас проводятся не так уж часто — вечно чего-то не хватает. Исключения — «редкие, но меткие» совместные занятия с группами «Вымпела» и период подготовки к очередной полугодовой «кавказской эпопее». Вот и теперь — до отъезда в Чечню всего десять дней. И родимый Главк, в кои-то веки расщедрившись, выделил нам на тренировки по боевому слаживанию целую грудку разной «имитации»², да и боевых патронов на «пристрелку и приведение к нормальному бою» подкинул. Как не воспользоваться такой удачей и не погонять необстрелянный молодняк в условиях, «близких к боевым»? Вот и гоняем, пока в Чечню не укатили. А молодежь пускай пока на базе посидит, потренируется. Их командировка — в следующем году.

— Все понятно или вопросы есть какие-нибудь?

В начале строя вверх поднимается рука со сжатой в кулак ладонью. Молодцы, кое-что усвоили.

— Что, Сергей?

— А нас в Москву отправят, как думаешь?

¹ Модульная «разгрузка» — «разгрузка» в виде жилета, либо ременно-плечевой системы, отличающаяся от обычного разгрузочного жилета возможностью произвольного расположения карманов и подсумков. Такую «разгрузку» каждый боец подгоняет под себя, размещая ее элементы там, где это удобно ему.

² «Имитация» — общее название холостых боеприпасов, взрывпакетов и имитационных мин.

Да, блин. В Москве с самого раннего утра какая-то чушь творится. Сперва, когда я собирался на работу под бормотание телевизора, вроде было тихо, а вот к обеду начались беспорядки. Причем какие-то странные. И не массовые вроде, на митинги начала девяностых не похожие. Но, видимо, серьезные. Потому что сотрудникам милиции несколько раз пришлось стрелять. На поражение стрелять, а это уже очень серьезно. Правда, в новостях об этом пока — ни слова, ни полслова. А нам из Главка в дежурную часть позвонили, объявили готовность к общему сбору и «радостными известиями» поделились. Ладно, если «Лебединое озеро»¹ по всем каналам не пустили — жить будем.

— А фиг его знает. Вряд ли. В Москве своего ОМОНа — три с половиной тысячи рыл... Наверняка сами управятся. Не переживай, ежели случится какая-нибудь заварушка навроде войны — ты ее не пропустишь. По теме занятия вопросы будут?

— Борь, ты после смены магазина патрон не дослал...

На лицах у молодых начинают проступать улыбки: как же — матерый прапор-«замок», да так прокололся.

— Да ты что?

Вскидываю «семьдесят четвертый» в сторону ближайшей мишени, скидывая по ходу вниз флажок предохранителя. Бам! Звук одиночного выстрела бьет по ушам. У молодых вытягиваются лица. Они пока не поняли. Да, мельчает молодняк! То ли дело раньше, когда в Отряд брали только отслуживших в армии, да желательно — в горячих точках. Таким почти ничего объяснить не надо было. Они и так все знали. Оставалось только боевое слаживание провести. Поверьте, уж я знаю, сам из таких.

— Вообще-то, — начинаю говорить я, — вам это пока рановато. Цель сегодняшнего занятия — наработка навыков работы в «тройке» при замене магазина. Пока один

¹ «Лебединое озеро» — балет Петра Ильича Чайковского, отдельно известный тем, что именно его транслировали по всем телеканалам во время августовского путча в 1991 году.

меняет, двое прикрывают. Плюс — азы перемещения при зачистке здания. Но раз уж заметили — поясняю. Умный и опытный боец всегда контролирует количество израсходованных патронов. До отсечки¹ стреляют только новички и дилетанты. Лови!

Кидаю глазастому Сереге подобранный с пола магазин.

— Чего видишь?

— Там еще два патрона. Ты их считал, что ли?

— Нет. Во время штурма все происходит быстро, реакция на любое событие должна быть мгновенной. Поэтому голова не должна быть занята всякой ересью типа подсчета выстрелов. Я при снаряжении магазинов просто заряжаю после первых трех патронов три трассера. Потом, в бою, увидел, что трассера пошли — тут же смена магазина. А в патроннике — гарантированно есть еще один патрон. А значит, если в момент замены на тебя неожиданно какой-нибудь «демон» из-за угла выпрыгнет, то ты его даже с непристегнутым магазином привалишь. Ясно?

Молодняк дружно закивал буйными головушками, закачались вверх-вниз поднятые забрава шлемов.

— Ну и отлично. А теперь по порядку номеров на две «тройки» рассчитались! И покажете старому дяде, чего вы там запомнили. Точно вопросов нет? Если чего не поняли, лучше сейчас спросите. Потом — поздно будет. Учтите, худшая «тройка» отжимается в полной сбруе полтинник...

Мою грозную тираду прерывает хрип радиостанции.

— Алтай-11, Алтаю-1.

Так, капитану Каменкову Роману Владимировичу, нашему доблестному ротному, зачем-то срочно понадобился его верный замкомвзвод-один, то есть ваш покорный слуга.

— Алтай-11 на связи.

— Где находишься?

¹ Отсечка — характерный звук, раздающийся в тот момент, когда в магазине автомата закончились патроны.

— В старой казарме. Тактикой с молодыми занимаюсь.

— Отставить тактику, бойцов — в кубрик, а сам бегом в дежурку.

— Понял тебя, Алтай-1.

Обвожу взглядом парней.

— Так, ноги в руки и бегом в распоряжение. Похоже, случилось что-то.

В голове промелькнула идиотская мысль: «Только б не государственный переворот! Вот только еще одного путча нам в довесок к поездке в Чечню и не хватает!»

В дежурке уже о чем-то спорят дежурный с помощником и ротный. Следом за мной вваливается потный и раскрасневшийся, огромный, словно медведь-гризли, взводный-один — лейтенант Антон Тисов. Дураку видно — опять в тренажерном зале штангу мучил: хорошо ему, свалил обучение молодых на бедного меня, а сам со всем остальным взводом потопал в тренажерку. А я и не в обиде: честно говоря, всякие железяки тягать — не мое это. А вот тактические занятия мне всегда нравились, еще со времен армейской службы. Да и получается у меня это хорошо, чего уж скромничать. И с новичками возиться люблю. Они мозгам заостенеть не дают: иногда такое спросят — голову сломаешь, пока ответ придумаешь. А вот Тисов железо нежно любит. И оно отвечает ему полной взаимностью. Я тоже не дите субтильное: рост — без трех сантиметров «двушка» и вес в сто десять кило. Но рядом с Антохой начинаю испытывать могучий комплекс неполноценности. Щедро одарила природа простого парня из Урюпинска. Да и сам он не плошал: с юности толкал ядро, жал штангу, тягал гири. Вот и вырос такой, что смотреть страшно.

Вопрошающе смотрим на Рому и пожилого усатого майора-дежурного, которого весь отряд с давних пор зовет просто Дядя Саня. Вид у обоих... Ну, скажем так, озадаченный.

— Что случилось?

— Фигня случилась! — вздыхает Дядя Саня. — Фабрику старую в Ивантеевке помните?

— Это ту швейную? На которой в прошлый раз полтыщи вьетнамцев-«гастеров» повязали? Фэмээсники¹ бедные еще носились как угорелые, не знали, куда ж их всех девать. Помним. А что, опять их отлавливать едем? Как раз небось хозяева новых набрали.

Отвечаю на вопрос, а у самого будто камень с души упал. Переворота не случилось, а значит, можно малость расслабиться.

— Докладываю голосом: в 14 часов 50 минут в Ивантеевское УВД позвонили сотрудники ЧОПа, что там на воротах сидят. Их трое — старший смены и два охранника, дежурят двое через двое. Внутрь фабричного корпуса не лезут, их работа — ворота открывать, но тут заподозрили что-то неладное. Гастеры, оказывается, поутру чего-то бузили. Охранникам не слышно было толком, там стены толстые, но вроде орал. За помощью никто не прибежал, они поэтому и дергаться не стали. Там такое частенько бывает: вьетконг друг с другом отношения выясняет. Но до серьезных проблем дело не доходило. Повопят, да и перестанут. А тут — дело к обеду, а в корпусе тишина, никто наружу не выходит, и даже оборудование не шумит. Вот их старший собрался и пошел в корпус проверить, все ли в порядке. А потом вдруг по рации начал кричать, что его убивают. Потом замолк. Но зато из здания были слышны выстрелы.

— У старшего было оружие?

— Да, служебный семьдесят первый «ижак»². Что и как, непонятно. Короче говоря — полная хрень. Ивантеевские послали туда три экипажа ГНР³, оперов из уголов-

¹ ФМС — Федеральная миграционная служба, федеральный орган исполнительной власти, реализующий государственную политику в сфере миграции и осуществляющий контроль, надзор и оказание государственных услуг в сфере миграции.

² Иж-71 — служебная модификация пистолета Макарова, в которой используется более слабый 9-мм патрон 9х17-мм «курц».

³ ГНР — группа немедленного реагирования, подразделение, состоящее из наиболее подготовленных сотрудников патрульно-постовой службы ОВД, выезжающее на самые серьезные преступления.

ки и почти всю дежурную роту ППС. Они на место прибыли в пятнадцать ровно. Оцепили местность, пытаются наладить контакт с теми, что в здании. Но внутрь не лезут, там же просто катакомбы какие-то, Шанхай в миниатюре...

— Шанхай, это вроде в Китае, — глубокомысленно говорю я.

— Ну, значит, Сайгон! — рыкнул Рома, — Боря, ты знаешь, как я тебя люблю и уважаю, но помолчи малость, а то в лоб дам! Дослушай. Там все очень серьезно.

— Так вот, — продолжил Дядя Саня. — Короче, пришел нам приказ из Главка — экипировка полная боевая по «тяжелому» варианту и ехать разобраться, что там случилось. Ивантеевские говорят: здания зачищать и заложников освобождать — не их специфика.

— Так и не наша вроде... — говорю я. — Это ж вроде ОМСНа¹ работа. Пусть «Булат» или «Рысь» вызывают.

— Слушай, кончай резину тянуть, умник! — взрывается спокойный обычно Дядя Саня. — Пытались. В «Рыси» ни одной свободной группы. Так же как и в «Булате» и даже в «Альфе» или «Вымпеле»... Все в Москве. Там полный дурдом. Дежурный по главку говорит, ситуация ухудшилась. Какие-то психи на людей нападают. Судя по тому, что боли не чувствуют — наркоманы, наверное, или может секта какая. По ним из автомата палят, а они не падают.

— Дядя Саня, а у того дежурного фамилия, часом, не Андерсен? А звать его не Ганс Христианович? Скажи ему, что пить с вечера надо меньше, а закусывать — плотнее. Ага, секта Дунканов МакЛаудов, блин, убить можно, только оттяпав голову... Бред же полный!

— Ладно, все! — прерывает нас Рома. — Что там, в Москве творится, нас сейчас не касается. Наша задача — выяснить, что в Ивантеевке приключилось. В гараж уже отзвонились, через пять минут пазик будет тут. Старший —

¹ ОМСН — отряд милиции специального назначения (в настоящее время СОБР), подразделение спецназа МВД, занимающееся борьбой с терроризмом, освобождением заложников, задержанием особо опасных преступников.

Тисов, боевая группа — двадцать человек. Только «бывалые», молодежь пускай базу сторожит, им пока рано. Даже базовый курс подготовки не прошли еще. Экипировка — тяжелый вариант. Оружие — пистолеты — всем, на кого закреплены — «Штурмы»¹, остальным — АК-74, снайперы пусть эсвэдэхи обязательно берут, мало ли чего и как. За светошумовыми гранатами старшины на склад уже умчались, так что ящик «зорок»² будет. Все! Построение через пять минут перед дежуркой. Время пошло!

— Шлемы какие брать? А то у ЗШ³ забрало уж слишком сильно потеет, а там еще видимость хреновая. Может, «Маски»⁴ взять?

— Хорошо, берите «Маски». Но ты, Антон...

— Ясно, как обычно — в ТiGe, — не дает ему закончить мысль Тисов.

Да, вот такой вот он понтовый парень. Все люди — как люди, один Тисов не в нашем ЗШ, а в немецком. Купил в свое время с больших чеченских командировочных через Интернет бундесовский шлем для антитеррористических подразделений. Хороший шлем оказался, хоть и дорогой. Немного похожий на наш «Алтын», в котором ребята из «Альфы» работают, но поменьше, полегче и поаккуратнее сделан. Немцы в экипировке толк знают, ТiG стоил каждой заплаченной за него копейки. А еще на нем были отличные крепления для разных дополнительных «примочек», типа ПНВ... Или — видеокамеры. В том, что камера на захвате нужна, — сомнений нет. Случись чего, а у нас «все ходы записаны». Но вот таскать ее в руках — это проблема серьезная. Человек с камерой не может эффективно действовать сам, а иногда просто мешает остальным. А тут такая удача. Миниатюрную камеру брали уже

¹ «Штурмы» (9А-91, он же «девятка») — малогабаритный автомат под 9-мм спец. патроны СП-5, СП-6 и ПАБ-9, состоящий на вооружении спецподразделений МО и МВД.

² «Зорька» — сленговое название светошумовой гранаты «Заря-2М».

³ ЗШ (ЗШ-1.2) — шлем второго класса защиты с поликарбонатным прозрачным забралом. Входит в штатную экипировку спецподразделений МВД.

⁴ «Маска» — он же шлем ЗШ-1. Более ранняя версия боевого шлема для спецподразделений МВД. В отличие от ЗШ-1.2 не имеет забрала.

всем взводом, в складчину. И теперь Антон у нас не только командир взвода, но и штатный видеооператор.

Ладно, пора собираться в путь-дорожку, а то пять минут, как в той песенке, это совсем немного, но вот успеть за них нужно столько... Есть, правда, и положительные моменты: «горка», «разгрузка», «Маска» и наколенники уже на мне, а значит, переодеваться не надо. Tактический фонарь, опять же, уже к газоотводной трубке привинчен. Это штатовскому «СВАТу» хорошо — у них фонарики маленькие и крепятся на планку Пикатинни легким щелчком. Наши же фонари — изделие отечественное. Таким фонарем самим по себе вражину прибить можно. А к газоотводной трубке автомата он крепится при помощи четырех болтов и одной контргайки. Эстетика, конечно, на уровне пещерного века, зато не оторвешь, даже если очень постараться. Парни в Чечне экспериментировали: к автомату с прикрученным фонарем цепляли ГП-30¹ и из него стреляли... И ничего! Даже не разболтался фонарик. Одним словом, осталось только скинуть легонькую «Кирасу-Универсал» второго класса защиты, в которой я по разрушенной казарме рысачил, а вместо нее влезть в тяжеленную «Кору-Кулон». А что делать? «Кора» хоть и весит одиннадцать с лишним килограммов супротив трех с копейками у «Универсала», зато и пулю СВД удержит, при некоторой удачливости, конечно. Хотя, ребра при этом поломаются, как сухие ветки. Но тут уж принцип простой: лучше лежать на больничной койке, чем в гробу. Так, что еще? Теперь — в оружейку. Получить сто двадцать патронов к «Тигре», «Старичка» и два магазина к нему. Да, господа, оружие у меня не простое, а именное. Точнее — имеющее имена. Я, правда, об этом никому не рассказываю, а то еще подумают чего не то и законопатят в заведение с мягкими стенами и ласковыми санитарями с комплекцией культуристов. Нет, не хочу! На самом деле все просто. «Старичок» — это мой ПМ. Он действительно старенький уже. Старше собственного хо-

¹ ГП-30 «Обувка» — 40-мм подствольный гранатомет.

зяина, то бишь меня, на целых десять лет. Мне в прошлом декабре тридцать один стукнуло... Вот и считайте. Но несмотря на преклонный возраст мой пистолет — почти новый. Я его получил со склада. И до меня из него если и стрелял кто, то только на оружейном заводе, для приведения к нормальному бою сразу после изготовления. А потом залили моего «Старичка» толстым слоем солидола и отправили на консервацию. Где он и пролежал больше тридцати лет, меня дожидаясь. С автоматом тоже незамысловатая история вышла. Он тоже, мягко говоря, не новый, всего на год меня моложе. Что, кстати, меня не огорчает, а скорее радует. При Советской власти ко всему, что было связано с армией, относились очень серьезно, даже поговорка такая гуляла: «В СССР делают два вида изделий — одни для армии, а другие хреновые». Так что, преклонный возраст моих стволов говорит только об одном — о том, что сделаны они качественно. Так, ладно, что-то я отвлекся. Так вот, о «Тигре». Он, в отличие от пэ-эма, до меня уже побывал в чьих-то цепких лапках. Возможно, даже повоевать успел. Но надо отдать должное предыдущему хозяину — следил он за автоматом на совесть. Вот только зачем-то вырезал на деревянном цефье слово «Тигр». Старательно так, ровными и глубокими буквами. Сначала я было хотел цефье заменить, но, как обычно — то лень, то неохота... А потом уже и привык. Так и стал самый обычный АКС-74 за номером 591627 «Тигрой».

Быстро, словно при сдаче норматива на время, снаряжаю все четыре магазина, три распахиваю по карманам разгрузки, четвертый сразу примыкаю к «Тигре», ИПП и жгут я и не вынимаю никогда, они в своих кармашках постоянно лежат. ПМ и запасной магазин пакую в тактическую кобуру на правом бедре, автомат закидываю на плечо, стволом вниз. Уже выходя из кубрика, выуживаю из тумбочки масленку, пенал и кусок старой простыни: пострелять-то я сегодня уже пострелял, а вот на чистку времени не было. Ничего, ехать сорок-пятьдесят минут, не меньше, вот в дороге и почищу. Через окно вижу, как пе-

ред входной дверью в казарму лихо тормозит паз, водитель жмет на клаксон, давая понять, что их светлость уже тута и изволют выказать недовольство тем, что им приходится нас ждать. Бежим, бежим, не надрывайся!

Ярославское шоссе, 20 марта, вторник, день

Да уж, нашему водителю Ване Пузанову надо было не в ОМОН работать идти, а пилотом «Формулы-1». Пазик под его «чутким руководством» летел так, что только дорожные знаки перед глазами мелькали. Хотя, чему удивляться? Сколько я Ваню знаю, а знаю, слава богу, уже не год, не два и даже не десять: одну школу заканчивали, два года за соседними партами просидели; он всегда был фанатом высоких скоростей. На мотоцикле, на машине — неважно. Главное — чтоб стрелка спидометра ложилась, ветер в ушах свистел, да адреналин в крови бурлил. Хорошо, что он в милицию пошел. Иначе — в лучшем случае давно бы прав лишился.

Сижу на переднем сиденье, спиной к водителю, лицом к салону, дочищаю своего верного «Тигру». Оглядываюсь по сторонам. Да уж, ОМОН в пути, картина маслом... Антон, как обычно, заткнул уши наушниками айпода. Ему его любимая супруга на день рождения подарила. И все — пропал человек! Теперь и не поговорить с ним: накачал в Интернете аудиокниг и все свободное время фантастику слушает. Конкретно сейчас — «Ночной дозор» Лукьяненко. Откуда знаю? Дык самолично ему вчера эти книжки из локальной сети скачивал. Да, блин, вот такие мы все подонки и нарушители авторских прав. Мало нас правозащитники клеймят!

С заднего сиденья слышны приглушенные вопли.

— Да ты слон тупорылый!

— Сам ты, блин, слон тупорылый. И шуточки у тебя слонячьи!

Ясно, опять у братьев Уткиных, Сашки и Олега, носящих гордые прозвища Дубль-один и Дубль-два, семейные разборки. Уткины — живая легенда Отряда. Они бра-

тя-близнецы: довольно высокие, худощавые, но жилистые, с тонкими, словно у музыкантов, пальцами. Даже на вид откровенно приятные парни, улыбчивые и доброжелательные. Встретишь на улице таких — и не скажешь, что в ОМОНе служат, больше похожи на скрипачей, поддерживающих хорошую физическую форму и регулярно посещающих спортзал. При всем при этом Уткины — не просто бойцы ОМОНа, они вдобавок еще и снайперы. Отличные, кстати, снайперы. Работают вдвоем, как и положено, снайперской парой. Один стрелок, второй — корректировщик. До Отряда братья служили по контракту в 76-й Псковской дивизии ВДВ и были неизлечимыми фанатами своего дела. Нет, многие из нас за свой счет себе какую-то экипировку докупают, такую, что не выдадут никогда, ибо вроде как не положено, но которая весьма может пригодиться: того же Антона с его шлемом взять... Да и моя командировочная разгрузка мне далеко не в сто рублей обошлась. Но Дубли — это нечто! Они, похоже, все свободные деньги тратят на всякие свои снайперские приبلуды. Чего у них только нет. Финского производства «лохматый» камуфляж-гилли, навороченный лазерный дальномер, крутой до умопомрачения ПНВ с какой-то фантастически чувствительной матрицей, портативная метеостанция, а в довершение всего — совсем уж необыкновенные американские прицелы «Льюпольд», которые они смогли закрепить на свои СВД, только прикупив специальные переходники с нашего крепления на планку Пикатинни. Дубли было пытались мне, темному, разъяснить всю прелесть «американцев» и степень их превосходства над родными посконными ПСО-1, но я запомнил только «просветленная оптика» и «сетка мил-дот». Вот еще вспомнить бы, что это значит... Да уж, серость я безлошадная, как точно подметил Саня, старший из близнецов, он же Дубли-один. Ну и ладно. Серость значит серость. Главное — что я им приказы отдаю, а не наоборот.

На том же самом сиденье, не обращая ни малейшего внимания на перепалку братьев, дрыхнет, слегка приот-

крыв рот и похрапывая, еще одна легендарная личность. Тимур Гумаров, среднего роста крепыш-татарин, единственный знакомый мне человек, которому не в состоянии помешать спать даже батарея «Градов», работающая всего в паре сотен метров. Если ему прямо сейчас не угрожает смертельная опасность, разбудить Тимура невозможно в принципе — проверено неоднократно. Можно включать музыку, орать у него над самым ухом, лить на него холодную воду. Все это бесполезно. В командировке ночной караул в паре с Гумаровым — это такая трагедия, что Софокл удавился бы от зависти! Пока удастся разбудить такого горе-сменщика, поднимешь не то что всю палатку, а весь базовый лагерь и примерно половину чеченских аулов в округе, совершенно расхочешь спать сам, а Тимур, скорее всего, так и не встанет. Такой вот уникум. Помимо этого — еще и отличный пулеметчик, и просто хороший парень.

Два закадычных друга Андрей Буров и Андрей Солоха слушают музыку с одного плеера, поделив по-братски наушники-таблетки — по одному «уху» на каждого. Судя по доносящимся до меня звукам — опять какой-нибудь Ди Джей Тиесто, или еще какой видный деятель «клубного движения». Чудно, ей-богу, взрослые мужики, оба старше меня, а слушают не пойми что, словно тинэйджеры прыщавые. Хотя, как говорится: на вкус и цвет — фломастеры разные. Одни рок любят, другие прогрессивтранс. Не Кучин какой-нибудь, прости господи, и то хорошо! Внешне наши Андреи — живая иллюстрация теории о единстве противоположностей. Буров — высокий, почти болезненно худой, но при этом жилистый, будто сплетенный из стальных канатов, с костистым лицом и запавшими ярко-голубыми глазами. Первое впечатление от него обычно не самое приятное. И в корне ошибочное. Человек он, несмотря на внешность, добрый и правильный, а главное — надежный. Такого поставь в драке спину прикрывать — и можешь быть спокоен: пока он жив, тебя сзади никто не ударит. Солоха — напротив, больше напоминает слегка похудевшего и где-то потерявшего свои

штаны с моторчиком Карлсона. Маленький, кругленький, с добродушной, но хитрой физиономией... Нормальный такой хитрющий хохол. Друзей в беде не бросит, но и выгоды своей не упустит. Вот такие совершенно разные внешне, но все равно чем-то неуловимо похожие. Оба служат в Отряде чуть ли не с момента его образования. Оба прошли огонь и воду обеих чеченских компаний. Оба семейные: у Бурова подрастает дочка, у Солохи детей вообще трое. Отец-герой, блин!

Прямо напротив меня задумался о чем-то приятном, судя по улыбке на лице, мой старый друг и, можно сказать, боевой брат Леша Взрывалкин, который на самом деле носит фамилию Рыбалкин. Его я знаю почти так же давно, как и Васю Пузанова: мы с Лешкой познакомились в армии, в самый первый день службы, едва войдя в казарму. Вместе проходили КМБ¹, вместе пошли служить в разведывательную роту. Правда, в роте нас слегка развело: я угодил в группу огневого обеспечения гранатометчиком, а Леха — в отделение инженерной разведки подрывником. Но в первую компанию в Чечне воевали бок о бок. Правда, после окончания срочной Лешка сразу подался в ОМОН, куда спустя четыре года, уже во время второй чеченской перетянул и меня, все еще продолжавшего служить по контракту. В ОМОНе Лешка занял должность инструктора-взрывотехника. А об уровне его подготовки вполне можно судить по прозвищу: Леша способен сделать бомбу из чего угодно, даже из пачки поваренной соли. Да и в обратном направлении, в смысле в разминировании, он тоже хорош.

Остальные — кемарят, развалившись, насколько это возможно, на тесноватых дерматиновых сиденьях. Вот такие мы странные люди. Там, понимаешь, человека в заложники взяли, а может и убили (не приведи боже). Возможно, придется освободить силой. Может, даже стрелять. А мы — спим. Хотя, если вдуматься — ничего в этом

¹ КМБ — курс молодого бойца, первоначальный подготовительный этап армейской службы.

странного. Это молодые-неопытные перед боем мандражируют: суетятся, галдят. А тут у нас народ проверенный, служат все по многу лет, в чеченские командировки катались неоднократно. А там всякое бывало... Вон, те же Андрей выжили в печально известном бою 2 марта 2000-го, когда под Грозным погибли восемнадцать наших парней. После такого захват заложника кучкой вьетнамцев — детский лепет.

Да и остальной народ в автобусе и впрямь новичками назвать сложно. Прожженные волки, битые-перебитые, причем, что характерно, как чужими битые, так и своими. И если с чужими, в принципе, все ясно: с чего бы, действительно, чеченцам нас чаем с плюшками угощать, то вот ситуация со своими — куда хуже. Для большинства обычных граждан мы просто свора «тупорылых гоблинов», что обижают бедненьких детишек-фанатов на футболе. Мы к этому давно привыкли, хоть и удивляет в людях этот инфантилизм, если честно. Неужели так трудно спрогнозировать, чем закончится встреча фанатов двух соперничающих команд, если между ними стеной не встанут «гоблины»? Для прогноза достаточно хотя бы раз увидеть разнесенную в клочья этими самыми «неразумными детками» пригородную электричку. Которая больше похожа на вырвавшийся из-под плотной бомбежки эшелон года так из 1941-го. Но зачем думать, когда и так все ясно: «менты — козлы» по определению. И мы с плевками в спину от сограждан давно смирились. Сложнее смириться, когда тебе в спину жирно харкает страна, интересы которой ты защищаешь, рискуя здоровьем, а иногда и жизнью. Сколько раз нас предало родимое государство — и не сосчитать с ходу. Начало положила уже совсем древняя, забытая всеми, кроме нас, история с предательством в отношении рижского ОМОНа. Который виноват был лишь в том, что выполнил приказ. А потом это уже вошло в привычку: первая чеченская, когда у нас просто украли в Хасавюрте нашу победу, потом вторая, которая началась-то вроде бодренько, а закончилась просто пшиком. И везде одно и то же: сперва отдают распоряжение, а по-

том — по обстоятельствам. Если все прошло гладко — высокое командование вешает себе на грудь орден, а нас снисходительно треплет по холке, молодцы, мол, так держать. А вот если что-то сорвалось и пошло не так — тут же выясняется, что никто никому никаких приказов не отдавал и начальство вообще было не в курсе дела. А стрелочниками, как обычно, назначаются рядовые исполнители.

Периодически я мысленно оглядываюсь на свое прошлое и сам себе поражаюсь, кой черт занес меня на эти галеры? Ну, казалось бы, сколько ж можно служить стране, которая тебя столько раз предала и смешала с грязью? Однако все еще служу, и все товарищи мои служат... Видимо, прав был мой первый ротный, навеки оставшийся где-то на забитых черно-рыжей, выгоревшей дотла бронетехникой и заваленных трупами улицах Грозного: Родина и государство — далеко не одно и то же! Государство наше, чего уж греха таить, подленькое и трусливое, я терпеть не могу. А вот Родину свою я люблю. И если понадобится — готов за нее умереть. За нее, за семью свою, за друзей. Да даже за этих двух симпатичных молоденьких девчонок на автобусной остановке, что мне только что рукой помахали.

А наш автобус тем временем свернул с Ярославского шоссе и понесся мимо высокого серо-синего здания с загадочной вывеской Delfin Group и белыми силуэтами двух дельфинов на синем фоне. Рывкнув сиреной и сверкнув «люстрой», проскочил через вечную пробку перед эстакадой над Ярославкой, словно издеваясь, нарушая все правила скоростного режима, пролетел мимо Учебного центра ГИБДД и въехал в Ивантеевку. Еще раз пуганув сиреной зазевавшихся водителей, наш «реактивный» пазик, взвизгнув тормозами, вписывается в поворот и, оставив по левому борту «Журавлей»¹, подлетает к воротам Ивантеевской тонкосуконной фабрики.

¹ «Журавли» — памятник жителям Ивантеевки, павшим в годы Великой Отечественной войны.

г. Ивантеевка, 20 марта, вторник, вечер

Да уж, тот факт, что здесь что-то стряслось, виден невооруженным глазом. Улица Дзержинского, на которой расположена фабрика, и так шириной никогда не отличалась. А теперь проехать по ней стало вообще невозможно: она перекрыта в обоих направлениях «субарамии» ДПС, забита людьми и спецтранспортом. Возле будки проходной из побуревшего, некогда ярко-красного кирпича и распахнутых настежь двустворчатых железных ворот толпятся человек двадцать — двадцать пять в серой милицейской форме с офицерскими звездами разного количества и размера на погонах и десяток человек в штатском, похоже — оперативники из уголовного розыска. Все при оружии. В основном — автоматы АКСУ, носящие «в рядах» либо ласковое прозвище «ксюхи», либо уж совсем неблагозвучное — «сучки». По обстоятельствам, в зависимости от ситуации. Хотя у нескольких висят на плече пистолеты-пулеметы «Кедр». Но тот факт, что подобное оружие этим людям откровенно непривычно, даже на первый взгляд сомнений не вызывает. Ясно, штабная братия... Как говорится — собрали всех, кого поймали, для массовки. А что ж девчонок из отдела кадров и бухгалтерии не прихватили? Прямо перед проходной стоит такой же ПАЗ, как и у нас, несколько «жигулей» четырнадцатой и пятнадцатой модели в милицейском окрасе и две белых «Газели»: одна с синей полосой по борту и надписью «УВД г. Ивантеевка. Дежурная часть», вторая с красной — «Скорая помощь». Чуть в стороне, возле темно-синего «икс-третьего» БМВ вальяжно стоят два господина в почти одинаковых черных кожаных плащах, под которыми, несомненно, скрываются черные строгие костюмы и галстуки. В руках у господ — опять же черные кожаные папки, а на лицах — выражение этакой усталой брезгливости. М-да, прокурорских с кем-либо перепутать сложно. «Гвинпины», блин, опять приперлись недостатки выискивать. Вот для борьбы с такими, собственно, и завели мы во взводе штатную видео-

камеру. Чем-нибудь помочь такие «люди в черном» даже и не подумают, а вот гадостей понаделать — это запросто.

— На выход, бегом! — зычным голосом командует Тисов.

Грохоча ботинками, оружием и броней, мы выпрыгиваем на улицу через обе двери автобуса. Ну сейчас начнется, сперва будем долго и нудно ползать вокруг, прикидывая, откуда бы поудобнее вломиться в здание. А представители УВД в это время будут по очереди в мегафон увещевать вьетконговцев, предлагая им сдаться и вернуть по-хорошему захваченного охранника. А кто знает, может и получится? Был прецедент, когда после разговора «по душам» террорист отпустил заложника. Правда, «террористом» оказался упившийся до зеленых гномов слесарь, вооружившийся древней охотничьей «двутулкой», а заложником — его не менее пьяный, но в чем-то провинившийся собутыльник. Но здесь, судя по тому, что охранник в кого-то стрелял, ситуация намного серьезнее. А поэтому Дубли сейчас полезут осваивать крышу или площадку верхнего этажа какой-нибудь высотной хибары неподалеку, хотя особого смысла в этом нет — трехэтажное здание фабрики мало того, что старое, еще дореволюционное (а это уже подразумевает наличие высоких потолков, не любили предки тесноты), так еще и промышленное. Высота каждого этажа — метров шесть, наверное. А узкие окна — наверху, почти под потолком. Да еще и всяким тряпьем занавешены или фанерой и картоном забиты. Это уже «гости из Юго-Восточной Азии» озаботились. Светомаскировка, блин! Увидеть через них точно ничего не получится. Но все равно, снайперская пара должна занять позицию. Положено. А нам, похоже, придется этот «Сайгон» зачищать. Причем всерьез, а не как в прошлый раз, с шутками-прибаутками.

Подходим к проходной. Среди серых милицейских бушлатов выделяются две фигуры в темно-зеленых комбинезонах с огромными аляпистыми шевронами на рукавах и сущеглупых черных восьмиугольных фуражках с огромными кокардами, будто у американских полицей-

ских из старых фильмов. Понятно, охранники, подчиненные того бедолаги, что в здании фабрики завис. Начать надо бы с них, может чего важного расскажут.

Антон тем временем подходит к стоящему возле милицейской «Газели» подполковнику в дорогой даже на вид зимней куртке с каракулевым воротником и фуражке с высоченной, будто у офицера гестапо, тульей. Ну, конечно-конечно, куда уж нам, простым рабоче-крестьянским парням до их подполковничьей светлости: куртка у них индивидуального пошива, из ателье, а не со склада областного ГУВД. Не удивлюсь, если бушлатик — не синтепновый, а на каком-нибудь гагачьем пуху, да и воротник на синтетический не больно похож, вполне может быть — натуральный ягненок. Пижон, блин! Лицо у него знакомое, кажется, один из замов начальника местного УВД. Вот только по какой части зам — убейте, не помню!

— Командир взвода ОМОН лейтенант Тисов. Что тут у вас?

— Долго ехали, лейтенант! — Господин подполковник даже не удосужился представиться в ответ. Ой, блин, приехали! По физиономии видно — мало того что дурак, так еще и в образе. — Пока вы катались, мы сами почти справились, без ваших дуболомов!

— В смысле, почти? — нехорошо прищуривается Антон. Ему, похоже, выражение лица подполковника тоже не понравилось. — Поконкретнее нельзя?

— А чего уж конкретнее, — «подпол» прямо-таки лучится глупым самодовольством. — У нас в ГНР и покруче вас парни найдутся, сами разберутся!

По выражению лица взводного я понимаю, что сейчас ему больше всего на свете хочется высказаться на тему умственных способностей некоторых представителей командного состава, отправляющих своих подчиненных неизвестно куда без должной подготовки и снаряжения. Кто знает, возможно, он даже кое-что из своих мыслей высказал бы вслух, в более-менее корректной форме...

Но тут из фабричного корпуса послышалась беспорядочная автоматная стрельба. Заполошная, длинными,

чуть не на полмагазина, очередями. Немая сцена... Штабные у ворот, раскрыв от удивления рты, замирают библейскими соляными столбами. Валяжные прокурорские шустро прячутся за своим джипом. Во, блин, могучий инстинкт самосохранения у крысюков тыловых!

А автоматы в здании лупят просто на расплав ствола. Ё... твою ж мать, похоже, нарвались там мужики на что-то! Причем нарвались конкретно. Как ни крути, а парни в ивантеевском ГНР вполне нормальные: взрослые, толковые, да и подготовку имеют неплохую. Пересекались мы с ними в командировках в Чечне, когда нас сводным отрядом милиции, со всей области собранным, усиливали. А тут... Так стрелять могут только насмерть перепуганные люди. Именно так я сам палил когда-то, в белый свет как в копейку, в своем первом в жизни бою. Подробностей которого даже вспомнить толком не смогу — до того было мне страшно. Да что ж там случилось такого, чтоб несколько матерых взрослых мужиков ТАК перепугались?! Мля! Что я там делать собирался? Ходить вокруг да около, удобное место выискивать? Ага, шаз! Нашел уже! Теперь, похоже, придется ломиться наугад и в очень быстром темпе.

Взводному, судя по всему, в голову приходят те же мысли, что и мне. Он бросает на подполковника такой взгляд, что у того голова просто проваливается в светлосерый кучерявый воротник пижонистой куртки.

— Ну?! — рычит на него Антон.

Господин подполковник, видимо, решил, что сейчас его будут бить, испугался, и еще сильнее втянул голову в плечи, окончательно став похожим на перепуганную черепаху.

— Слышь, клоун! — взрывается Антоха. — Командует тут кто?!

— Я... — все еще испуганно вякает голова, слегка приподнявшаяся над воротником.

— Так может, уже скомандуешь чего-нито?! Мы ж без приказа сами действовать не можем, нас прокурорские без соли схарчат потом!

— Лейтенант, сделайте что-нибудь... — растерянно блеет подполковник, еще недавно бывший таким уверенным и самодовольным. Еще бы, если что пойдет не так, погоны с его плеч как катапульты отстреляются.

— Приказ ясен?! За мной!!! — рывкает Антон и вбегает сквозь гостеприимно распахнутые створки ворот во двор фабрики. Мы всей гурьбой ломимся за ним этаким бронированным стадом, на бегу разделяясь на «тройки» и перестраиваясь в боевой порядок. От ворот проходной до фабричного корпуса — метров сто. Примерно на полпути, перегораживая широкую асфальтированную площадку и залезая на газоны, стоят боком пять милицейских УАЗов. На дверях двух написано ППС, остальные три — новенькие «хантеры», видимо, экипажи ГНР. За ними прячутся десятка полтора вооруженных все теми же «ксюхами» растерянных «пепсов»¹ в звании от младшего сержанта до старшины, с испугом уставившихся на грязное кирпичное здание фабрики.

— Сколько их туда вошло?! Давно?! — на бегу кричит им Тисов.

— Девять. Минут пятнадцать назад, — отвечает один из сержантов.

Подбегаем к входной двери.

— Ёп, эти уроды дверь заменили! — зло шипит Солоха.

И точно, вместо обычной деревянной двери, что была тут в прошлый наш приезд и которую мы сорвали с петель парой хороших пинков, путь нам преграждает сварная самодельная «железяка», покрашенная черной краской. Да еще и с электронным кодовым замком. Мля! Вот он «опыт — сын ошибок трудных»! Ай, какие шустрые и сообразительные работодатели у наших вьетнамских «братьев» оказались! Исправили, блин, обнаруженные проверкой недостатки!

— Может, не заперто? — Гумаров со всей силы дергает за сваренную из уголка ручку.

¹ «П е п с» — жаргонное прозвище милиционеров из подразделения ППС (патрульно-постовой службы).

Ага, хренушки! А в корпусе автоматы продолжают молотить, словно стайка свихнувшихся швейных машинок.

— Твою ж маму!!! Да что там творится?! — не выдерживает Буров.

— Какой код замка? — ору я во всю силу легких, обращившись к толпе ошалело сгрудившихся у «Газели» штабных.

Однако, коллеги явно не в себе и, похоже, даже не понимают, чего я от них хочу. Только один из «чоперов» удивительно быстро соображает, что от него требуется, и кричит в ответ четырехзначную комбинацию. Тыкаю пальцем по кнопкам. Парни за спиной шелкают флажками предохранителей и лязгают затворами автоматов, включают тактические фонари. Тисов, кроме того, поправляет камеру на шлеме и включает запись. Раздается тонкий противный писк — открыто. Распахиваю дверь и оглядываюсь на Антоху.

— Ну, «тройками» — пошли! — командует он, и мы врываемся на плохо освещенную тусклой лампочкой-«сороковкой» площадку лестницы, ведущей наверх, где автоматные очереди становятся все реже, и уже начали хлопать одиночные выстрелы из пээмов.

Так, все, собрался! Все лишнее из головы — долой! Все глупые вопросы и домыслы по ситуации — тоже. Зачистка «задумчивых» и заторможенных не любит. Зачистка — дело рефлексов, навыков и быстрой реакции. Особенно если идешь первым. А я именно первым и иду. Позади, растопырив стволы автоматов «елкой» влево и вправо, не отставая, словно раздвоившаяся тень, скользят неразлучные Буров и Солоха. На первом этаже не задерживаемся, тут нам смотреть особенно нечего, это я помню еще с прошлого визита сюда. Налево от основной лестницы — два здоровенных пустых зала, в которых раньше, видимо, тоже были цеха, а теперь — толстый слой грязи на бетонном полу и мелкий мусор по углам, только во втором стоят несколько бухт кабеля и свалены кучей в углу давно заржавевшие водопроводные трубы. Направо — «туалэт типа сортыр», как некогда метко подметил гениальный

Папанов. Несет оттуда — соответственно. Нет, первый этаж нас сейчас не интересует, все происходит на втором. Хотя это не значит, что мы его так и бросим без внимания. А на что нам тогда замыкающая «тройка»? Вот пусть тылы и страхует. А нам — выше. Вообще, прохождение лестниц и углов — чуть ли не самые сложные моменты любой зачистки. В других обстоятельствах мы поднимались бы медленно и осторожно, каждый держал бы свой сектор наблюдения. Сейчас свои уже наверху, причем ведут бой. Это, разумеется, не значит, что можно ломиться вверх, не глядя по сторонам, но и в скрытном передвижении нужда тоже отпала. Поэтому на второй этаж поднимаемся хоть и с оглядкой, но бегом. Снова площадка. Лестницу, ведущую на третий этаж, с ходу, без какой-либо команды берет под контроль четвертая «тройка», ставшая замыкающей после того, как пятая осталась прикрывать наши тылы на первом этаже. Роли в этой «пьесе» давно расписаны, а все «актеры», то есть мы, знаем их наизусть.

На площадке второго этажа дверь только одна, за ней, ежели меня память не подводит — галерея из четырех здоровенных залов, бывших раньше заводскими цехами. Которые теперь превращены в гибрид швейной мастерской, общежития и улья. Почти вся свободная площадь занята здоровенными раскroечными столами и малюсенькими столиками со швейными машинками. Уместиться за таким может только ребенок... Ну или вьетнамец. В узких проходах огромными грудями лежат тюки с тканями, нитками, тесьмой, стоят ящики с пуговицами, кнопками, «молниями» и прочей фурнитурой. На небольшом пятачке возле входной двери составлены огромной кучей клетчатые сумки «мечта оккупанта», так популярные среди челноков... В них — готовая продукция. Те самые «эксклюзивные товары из Европы», коими завалены прилавки Черкизовской, Коньковской и прочих вещевых ярмарок Москвы. А по стенам... О! Тут отдельная песня! Можно сказать — вьетнамское ноу-хау в области архитектуры! По стенам, будто ласточкины гнезда, наклеены спальные места. Попробуйте представить себе штабель из бо-

льших ящиков (примерно полтора метра ширина-высота и два — длина). Составленных у стены, один на другой, в четыре яруса до самого потолка. Представили? А теперь добавьте сдвигающуюся вбок дверцу, как у шкафа-купе на лицевой стороне. А внутри — матрас, подушку и груды тряпья, заменяющего постельное белье, маленькую лампочку в изголовье и сложенную в ногах стопку одежды. А на полу перед штабелем — стройные шеренги тапочек... Вот теперь вы знаете, как выглядят жилища вьетнамских гастарбайтеров. А еще там воняет. Нет, не так. Там ВО-НЯЕТ. Все равно не то... Словами это амбре не опишешь. Вы служили в армии? Попробуйте представить огромную казарму, в которой живет мотопехотный батальон полного четырехротного состава. Живет, не выходя на улицу, не стирая одежду и белье, не моясь и даже окон не открывая для проветривания. И в этом же помещении готовит пищу. Не особо утруждая себя мытьем посуды и выносом мусора. И живет так уже не один месяц... А теперь представьте, как там пахнет. Ничего так картинка вырисовывается, правда?!

Входная дверь, кстати, тоже новая. И тоже стальная. К счастью, без панельки с кнопками, но, судя по размерам замочной скважины, механический замок тут вполне внушительный, вскрывать такой — только «болгаркой», или пластиком взрывать. Одно хорошо — до нас тут уже прошли, и дверь вряд ли закрыта. На мгновение замираю, жду сигнала о готовности «тройки», тут же получаю сзади легкий тычок в плечо — парни готовы. Ну раз готовы, тогда, как сказал когда-то один великий человек: «Поехали!» Нажимаю на дверную ручку и, рванув дверь на себя, вламываюсь внутрь.

Удивительное все-таки животное — человек, как много оказывается можно увидеть, услышать, почувствовать и обдумать практически мгновенно, если в этом возникает острая необходимость. Не сталкивались с таким интересным явлением? Когда действительно очень надо, мозг начинает работать быстрее любого компьютера, но как-то однобоко, что ли. То, что важно в данный момент,

фиксируется и анализируется мгновенно, а вот все остальное будто отфильтровывается, остальное ты даже не замечаешь. Вот и сейчас. Вроде как бодрой рысцой бегу через цех, освещенный ярким и холодным, будто в морге, светом люминесцентных ламп, лавируя между рабочими столами, баулами, мешками и кучами тряпья, а голова работает сама по себе. Пахнет здесь как-то странно. Нет, тут и раньше розами-фиалками не благоухало. Но теперь к обычной для подобного шалмана вони застарелого пота, нестираного белья и носок, а также любимейшего вьетнамского лакомства, той самой, ставшей уже притчей во языцах, поджаренной маринованной селедки прибавилось кое-что еще. Ну, во-первых, тут теперь сильно воняет сгоревшим порохом, а во-вторых... Вот тут сложно... Запах очень сильный, настолько, что забивает все остальные, даже пороховую вонь и «аромат» селедки. А вот опознать я его никак не могу: может ацетон, а может еще какая-то едкая химия. А еще тут очень сильно пахнет свежей кровью. Уж этот мерзкий, оставляющий во рту привкус меди запах с чем-то спутать сложно. И мне это не нравится. Очень не нравится. Бегу вперед к выходу из цеха, не останавливаясь и не оглядываясь. А что мне, собственно говоря, сзади высматривать? Сзади, как обычно: все три «тройки», двигаясь веером, прочесывают цех. Наша — по центру, оставшиеся две — слева и справа от нас, вдоль стен.

Раньше проход из одного цеха в другой был вполне приличных размеров — грузовик в эту арку проехал бы «не пригибаясь». Теперь на ее месте стена из ДВП с обычной деревянной дверью. Замираю примерно в пяти метрах перед ней и, не сводя автомата с дверного проема, жду остальных. За спиной — негромкий топот нескольких пар ног: парни подтягиваются и выстраиваются позади меня и обоих Андреев. Снова легкий тычок кулаком — готовы. Стартую с места и распахиваю дверь ударом ноги, как учили еще в армии, чуть ниже дверной ручки... Вернее — хотел распахнуть, да малость перестарался. Дверь оказалась несколько хлипче, чем ожидалось, и вместе с двер-

ным косяком обрушилась на пол. Вбегаю в образовавшийся пролом.

Второй цех — точная копия первого: здоровый и отлично освещенный. И, прямо скажем, очень жаль, что освещенный, потому как сейчас этот огромный зал похож даже не на морг, а скорее на бойню. Тьфу, мля, гадость какая!!! Едва переступив через порог, я чуть не поскользываюсь в гигантской луже крови, залившей все пространство перед входной дверью. Такое ощущение, что тут забили и разделали пару-тройку крупных свиней... Целое озеро кровищи...

В цеху — полный разгром: столы перевернуты, ящики со всякой мелочовкой опрокинуты, а их содержимое рассыпано по полу. И даже одна секция спальных мест оторвана от стены и завалена на пол. Можно подумать, что тут банда пьяных махновцев резвилась, ни в чем себе не отказывая. Спокойно и даже как-то отстраненно фиксирую подробности окружающего меня бреда: в луже плавают разодранная в клочья одежда, тапочки, еще какой-то хлам. А кроме того — обрывки внутренностей, ошметья мяса и даже кисть руки, то ли оторванная, то ли даже отгрызенная. Стены покрыты кровавыми брызгами и потеками, в нескольких местах видны размазанные отпечатки ладоней, будто кто-то пытался встать, опираясь на стену окровавленными руками, но соскальзывал. Мля, миленько так! Они тут что, живьем на части рвали кого-то?! За спиной слышу сдавленные матюги и звук, похожий на сдерживаемый рвотный позыв. Похоже, не только мне тут понравилось... Больше всего все вокруг похоже на декорации к дешевому фильму ужасов. Вот только успокаивать себя и пытаться не стоит — все равно не получится. Потому что все вокруг — реальность. Однако людей в зале нет, ни живых, ни мертвых. Только весь пол вокруг лужи истоптан следами десятков пар ног. Нахрена они все в этой луже топтались? Хороводы водили? Интересные, однако, обряды у них в Юго-Восточной Азии... Все следы, среди которых удалось различить и свежие, еще сырые отпечатки подошв армейских берцев, ведут в следую-

щий зал, за широкую двустворчатую дверь, свободно открывающуюся в обе стороны, похожую на двери салунов в вестернах, только полноценного размера. Обе створки двери тоже густо заляпаны кровавыми потеками и отпечатками ладоней. Стрельба слышна именно оттуда. Ну, значит, нам туда!

Через второй зал по-тихому пробежать не получается: фанерные крышки перевернутых и разломанных столов грохочут под подошвами, мелкая фурнитура с бреньканьем разлетается из-под ног в разные стороны. Ох, не вернуться бы... О! Накаркал! Судя по смачному шлепку и тихому и короткому, но весьма экспрессивному матюку на татарском, на пуговицах поскользнулся Гумаров. Он у нас вообще парень горячий и матерщинник редкий, но ругаться предпочитает на родном языке. Мол, ежели никто не понял, так я вроде как и не выругался.

Дверь в третий цех гостеприимно распахивает перед нами свои створки. Что там, по общему мнению, должен кричать бравый боец ОМОНа, вламываясь в помещение? Что-то типа «Всем лежать мордой в пол! Работает ОМОН!»? Вот даже если б хотел рывкнуть что-то подобное — не смог бы: слова в глотке застряли. А я думал, что второй цех выглядит неприятно... Да нет, оказывается, со вторым все в полном порядке: подумаешь, перевернутые столы, лужа крови и кучка требухи на полу. А неприятно на самом деле тут: кровищей комната заляпана чуть не до середины стен, а среди руин разнесенной в щепки мебели лежат трупы. Много трупов. Не меньше полусотни. Я столько свежеебитых людей в одном месте и в одно время с первой чеченской не видал. Но там — все ясно: дворец Дудаева брали. А тут-то что? Да и выглядят покойные, мягко говоря, не очень: их будто собаки грызли. Как в том же Грозном, когда бродячие псы трупы наших солдат до самой весны глодали. Проход в четвертый цех — примерно четырехметровой ширины и трехметровой высоты арку перекрывает импровизированная баррикада: поставленный набок железный раскроечный стол. Его крышка — толстый металлический оцинкованный лист,

габаритами примерно пять на два, теперь перекрывает проход, словно забор. Для прочности конструкции стол подпирают несколько крупных деревянных ящичков и двое крепко потрепанных молодых парняг в порванном и забрызганном кровью сине-сером городском камуфляже, в каком обычно ходят милиционеры ГНР, в серых «Кирасах» и с «ксюхами» в руках. Третий, широкоплечий, выбритый наголо невысокий мужик лет сорока с погонами старшего прапорщика, широко расставив ноги, стоит на уцелевшем столике со швейной машинкой и лупит поверх баррикады одиночными из автомата куда-то вглубь четвертого цеха. Упершиеся спинами в стол пацаны, увидев нас, облегченно сползают вниз и садятся на пол. Один закрывает лицо ладонями, и плечи его начинают вздрагивать. Похоже, плачет. Все с ними ясно — мальчишки совсем. Или сразу после армии, или вообще не служили, «альтернатива», мля. Стоящий на столе стрелок опускает автомат и оборачивается к нам.

— Что тут? — слышу я у себя за спиной голос Тисова.

— Задница! — коротко и как-то устало бросает лысый. — Патроны есть? У меня только один магазин остался.

— Я спрашиваю, что происходит? Где заложник?! Где твои люди?! Почему на связь не вышли?! С какого хрена по гражданским палите?!!!

— Заложник вон, — кивок в угол.

И точно в углу, сломав туловище в невообразимой для живого человека позе, словно марионетка с оборванными ниточками, лежит пожилой мужик в таком же комбезе с огромными шевронами на рукавах, что и у «чоперов» на проходной. Мертв как бревно. А вот с причиной смерти непонятно: грудь вся изодрана автоматной очередью, посреди лба — пулевая отметина размером побольше, явно от девятимиллиметровой пээмовской пули, а в довесок ко всему — прогрызенная чуть не до позвоночника шея. Это как понимать-то? Любая из этих ран — смертельна, так откуда все три разом?

— Связи нету, — продолжает мужик, — станции у троих были. Мою с «разгрузки» эти, — неопределенный взмах рукой за спину, — сорвали. А парней сожрали...

— Не понял, — в голосе Антохи слышна неуверенность.

— Мля, чего ты не понял?! — вскипает прапор. — Гоблин ты, мля, тупорылый! Сожрали моих ребят! Живьем сожрали!! Голыми, мля, зубами!!! Думаешь, я псих?! Сам погляди!!!

Прапорщик еще раз машет рукой в сторону завала у себя за спиной, резко отворачивается и, на ходу меняя магазин в своем АКСУ, возвращается назад к баррикаде, из-за которой слышен в наступившей тишине какой-то очень мерзкий, но знакомый звук. Где ж я его уже слышал? Мать твою! Точно! Сам ведь только что Грозный зимой 95-го вспоминал... Именно с этим звуком бродячие грозненские псы жрали трупы наших пацанов. Запрыгиваю на стол, с которого только что стрелял по кому-то лысый «прапор», и заглядываю через край столешницы... Не знаю, сколько я разглядывал открывшуюся мне картину, скорее всего несколько секунд, но показалось — что гораздо дольше. Спрыгиваю со стола и чуть не падаю на бок: ноги ватные. А я-то, дурень, думал, что испугать меня чем-либо после Чечни уже не получится. Ошибочка вышла...

— Антоша, — каким-то уж слишком спокойным голосом зову я Тисова... — сними это все, а то ведь нам наружу хрен кто поверит.

Сам отхожу на пару шагов в сторону, и сильнейший рвотный спазм буквально скручивает меня в коромысло. Эк тебя, герой двух чеченских войн, сплющило... Совсем растерявшийся от происходящего Антон, не споря, лезет на стол. Я вижу, как его отшатывает назад и как расширяются у него глаза. Что, командир, и на тебя впечатление произвело? Нервишки и желудок у взводного явно покрепче, чем у меня. Он отцепляет камеру от шлема и начинает съемку с рук. Все верно, картинка должна быть предельно четкой и крупной, иначе нам действительно

никто не поверит. Потому что не сможет поверить нормальный человек в рассказ о том, что в самом центре Московской области, в здании самой обычной фабрики бродят по цеху несколько сотен оживших мертвецов. Почему я решил, что это мертвецы? Да потому что не может человек, с выпущенными наружу кишками не спеша прогуливаться по комнате, периодически об эти самые кишки запинаясь. И разодранная сонная артерия тоже особо жизни не способствует. И при обглоданной до кости руке человек должен истечь кровью очень быстро, причем, судя по состоянию одежды, он ею и истек. Но это вовсе не помешало ему встать. И их глаза... Не может быть таких глаз у живого человека. Даже у обдолбанного самой сильной наркотой. Даже у пьяного, что называется, в мясо. Такими глазами может смотреть на окружающий мир какая-нибудь вырвавшаяся из ада потусторонняя тварь. Такими глазами может смотреть получившая тело смерть. И даже это не было самым страшным. Трупы не просто бродили по цеху. Они ЖРАЛИ. Сквозь толпу видно было плохо, но тем не менее можно было разглядеть «островки» согнутых спин и голов, дергающихся в такт работе челюстей. И звук раздираемого зубами сырого мяса... Его ни с чем нельзя спутать.

Оглядываюсь по сторонам. Все наши уже успели залезть на обломки мебели и заглянуть за баррикаду. Кое-кто так и замер, словно замороженный жутким зрелищем, не в силах отвести от него глаз. Кто-то последовал моему примеру и выплеснул на пол остатки завтрака и обеда. Антон продолжает съемку. Я достаю из нагрудного кармана «разгрузки» «Кенвуд», и подхожу к прапорщику.

— На каком канале работаете?

— На третьем.

— Ясно, — щелкаю настройкой частот. — На связи группа ОМОН. Заложник мертв. У ГНР шесть «двухсотых». Мы выходим. Конец связи.

Сказав все это, я снова переключаю станцию на нашу частоту. Сейчас начнется свистопляска в эфире: что, как, почему? А что тут скажешь? Тут показывать надо...